

Нашествие

**Хан Батый.
Русь в огне**

Алексей Наст

18+

Алексей Николаевич Наст

Хан Батый. Русь в огне

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31259801

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-2410-3

Аннотация

Третий роман тетралогии "Нашествие". 1235 – 1237 годы. Бесчисленные татаро-монгольские орды огненным валом прокатываются по Волжской Булгарии и Донским степям. Теперь их цель – богатая, но слабая, раздробленная Русь... Судьбы русских князей, их воевод, противостояние в стане хана Батыя – брат Берке гнёт свою линию, молодые ханы из Каракорума и Чагатаева улуса не признают Батыева старшинства... Кровь, пожары, жестокие битвы и... любовь, без которой не может быть жизни!

Но у сыновей Чингисхана Чагатая и Тулуя были свои планы, а хану Угедэю было всё равно, куда послать воинов – любая завоёванная земля будет починяться ему, любая захваченная добыча в положенном количестве прибудет в Каракорум.

А пока чингизиды и их приближённые нойоны ели и пили, величали героев и восхищались багатурами. Так будет до зимы. Потом начнутся облавные охоты, где каждый хан и нойон будет показывать выучку своих тысяч, и, между делом, активно вербовать сторонников за начало войны в выгодном только ему направлении. Потом придёт весна, зазеленеет свежая трава в степи, вот тогда-то, на новом курултае, и решат чингизиды, куда повести воинов, а хан Угедэй объявит во всеуслышанье начало великого похода. Тогда его воля станет непререкаемым законом!

Бату приехал в Каракорум в сопровождении братьев Орды, Берке и Шибана, оставив улус на Беркечара. Пусть младший братишка потешит себя мыслью, что в его юных руках поводья великого улуса Джучи – приближённые наставники-советники не дадут натворить глупостей, да и гонцы от ставки до Каракорума долетают птицей – Бату всё знает, всегда готов отправить повеление.

Как только огромная процессия из нойонов и тысяч воинов гвардии, верблюдов, гружённых подарками, и быков, запряжённых в повозки с юртами и шатрами, прибыли в орду великого хана, Берке сразу пропал из поля зрения. Бату да-

же заскучал – Берке, всегда деловитый, въедливый, мешал предаваться радостям жизни, а тут, с его отсутствием, словно что-то исчезло, очень важное и необходимое.

После свиданий с дядьями: великим Угедэем, Тулуем и постаревшим, присмирившим Чагатаем, Бату часто проводил время в обществе Шибана. Орда, всегда чуравшийся близких отношений, среди множества чингизидов был в надменном одиночестве или в сопровождении нойона Бурунда. Чем привлёк брата этот нойон?

Бату был полон решимости осуществить задуманное – он внук Чингисхана, а великий дед повелел покорить богатые и заносчивые народы на западе, и он, Бату, поведёт всемонгольское войско в большой поход, и завершит начатое великим предком! Отец Бату хан Джучи оказался не способным к великим завоеваниям – он предпочитал мирно кочевать в бескрайней степи или предаваться охотничьим забавам. Таков сейчас Чагатай. В молодости был кровожадный волк, а теперь братья отёрли его от власти, приучили к замкнутому степному одиночеству. Но сыновья Чагатая не такие – они рвутся в бой, они жаждут завоеваний. Таков и Бату! Как знать, если бы отец не умер молодым (Джучи умер раньше Чингисхана), может он и сам выполнил завет. Бату помнил отца, не чётко, но... Юность прошла под присмотром деда. Дед именно ему, Бату, а не старшему Орде, власть в улусе отца. Поэтому он просто обязан вытребовать всемонгольский поход в земли половцев, болгар и оруситов!

Братья знали, чего желал Бату. И они хотели того же. Потому, активное сближение Берке с сыном Тулуя Мунке Бату не настораживала – хитрый братец решил привлечь Тулуя, воздействуя на его любимца. Шибана Бату часто подсылал к сыновьям Чагатая Бори и Кадану, но те при Шибане разговоров о предстоящем походе не вели. Им было за что бороться – Чагатай, всё время твердивший о поддержке похода на запад, как-то проговорился, что имеет идею всемонгольского похода на Ближний Восток, в Рум и на Кавказ. Если монголы пойдут на юг, их поведёт или Бори, или Кадан – один из сыновей Чагатая, а завоёванные земли войдут в улус чагатаидов. Хитры, ох, хитры...

На очередном пиру, в гигантском шатре великого хана, Бату сидел на мягких подушках у огромного дастархана, внимательно следил за «противниками».

Что-то долго не было любимца Бату, нойона Аяна. Бату благоволил ему, ибо тот, не только всегда ловко и хорошо выполнял посольские поручения, которыми он ведал, но и был верным, открытым человеком. Такие люди нравились Бату, их он старался приветить, «обогреть» своим теплом, чтобы служили не за страх, а на совесть. Аяну Бату позволял говорить правду. Нужен такой человек, готовый открыть хану глаза на окружающих. Сейчас он бы очень пригодился здесь, в орду великого хана. Посольство в Рум, в которое был отправлен Аян вместе со своим младшим братом Чиеном, и нойоном Чагатая Тумеем, уже вернулось в родные ну-

туги. Нойон Тумей был уже здесь, крутился возле Чагатая, выполнял поручения старшего сына Чингисхана. А вот Аяна не было. Почему? Что стряслось с преданным помощником? Он уже дома – про то доложили, и ехать в Каракорум не торопится. Может, случился какой не порядок в хозяйстве? Или очень соскучился по детям и жёнам? Как бы ни было, время позволяло – пусть отдохнёт от посольских трудов. Главное начнётся зимой, и тогда он понадобится, когда закулисные споры будут вестись особенно жарко. Сомнений нет, Рум и Багдад – государства богатые, но Русь куда богаче. Не знала разорения и Булгария. А сколько скота и лошадей можно отнять у половцев! Половцев легко обратить в рабов, а их кочевья забрать. Степь желанней кочевнику многолюдных городов!

Взгляд Бату нашёл пьяного Тулуя, лучащего в слащавых улыбках сморщенное лицо. Младший брат Угедэя, по большому, был не совсем доволен «победой» Саритая над Кореей – корейцы склонили головы, заплатили дань, но ими правит собственный царь, а центр и юг страны совсем оказались не тронуты нашествием, пухнут от богатства. Тулуй желал развязать новую корейскую войну. Но Корея мала для всемонгольского похода. Тулуй поговаривал и о войне с Индией – богатой и многолюдной, и с южно-китайской империей Сунн, но... Монголы устали от бесконечного покорения Китая, а в Индии жарко, там степные воины становятся вялыми, валяются от болезней и непривычной пищи. Не даром Чин-

гисхан, желавший окончательно разгромить Джелал-а-дина, укрывшегося в Индии, отправил тумены за Инд, но, пролив море крови, вернул обратно. Этот довод многих образумит, а Тулуя может заставить призадуматься. Да, Берке правильно придумал – отца должен образумить сын – Мунке.

Бату оглянулся на сидящего рядом Шибана, смиренно пьющего из пиалы рисовую водку, не пьянеющего, ничем не интересующегося. А зря. Он должен не оставлять сынков Чагатая. Вон они, смеются, балагурят с героем Чермагоном. Вот и Чермагона Чагатай вызвал из Азербайджана не зря. Покоритель Муганской степи, победитель ненавистного Джелал-а-дина, будет уверять великого хана в слабости Кавказа. Это правда, что на Кавказе давно нет сильных государств, и их, несомненно, можно будет покорить, не взирая на то, что придётся воевать в горах, непривычных степнякам. Но, что у них брать? Грузия истерзана длительными войнами, города бедны, скота мало. Это главный довод – малая добыча не устроит никого. Но покорение Кавказа лишь ступень к Руму и Багдаду, к сокровищам Египта. Да, Чагатай за кавказский поход будет бороться, используя всё своё влияние старшего сына Чингисхана.

Бату не спеша стал есть отварную баранину, нарезая мясо тонкими полосками. Надо бросить Чагатаю Кавказ, как кость голодной собаке. Завтра, когда все отоспятся после возлияний, он обсудит с Берке, как сделать, чтобы Чагатай согласился с всемонгольским походом на запад. Надо думать, ду-

мать и думать.

Какие силы может выставить улус Джучи? Тысяч шестьдесят – семьдесят кыпчаков и сартаулов. Из них десять– пятнадцать тысяч придётся оставить в улусе, для охраны порядка и наблюдения за состоянием дорог и мостов. Остаётся пятьдесят тысяч воинов, и все они не монголы.

Бату ухмыльнулся. Он стал оценивать свои силы, словно уже всё было решено и он ларкашкаши – предводитель всего войска! А всё только начинается! Не даром он пригнал в орду Угедэя табуны белоснежных степных скакунов, привёл караван верблюдов, гружённых тюками, в которых и золото, и дорогое оружие хорезмийских умельцев, и согдийские ковры. Всё это пойдёт на подкуп сторонников. А иначе как?

Пьяный Угедэй, с чашей в руке, неловко встал на ноги, взмахом руки в раз прекратил гвалт веселья и закричал хмельным голосом:

–Мы выполнили волю великого Чингисхана, призвав к покорности чжурчженей! Готовьтесь, монголы! Мы снова направим своих коней в большой поход! Хур-ра-а-а!

–Ху-ур-ра-а-а!!! – вскинулся весь курултай. – Слава великому Угедэю!!! В поход! Хур-ра-а!!!

Бату залпом осушил пиалу с водкой, вытер ощеренный в хищной улыбке рот – началось, поход объявлен! Остаток года и зима решат, куда пойдут монголы.

«Поведу их я!», – обожгло мыслью Бату.

мёну нужно было срочно ехать в Рум, вызволять поповшего в полон к сельджукам брата Мишку. Пётр Ослядюкович организовал отъезд, только князь-то никуда не отпускал. Вышло – Семён уехал самовольно, бежал со службы. Гнев Юрия был велик, а месть Ослядюковича страшна – разорил семью. Князь Юрий жаждал поймать «беглеца», сгноить в подвалах, в кандалах, чтобы другим не повадно было... Да...

Семён смотрел перед собой и размышлял. Если ехать прямо через лес на север, за Оку, пойдут московские земли, потом по реке на восток – вот и Владимир. Злой город. Такой родной и близкий, теперь он был злым – там его предали, оклеветали, там убили его счастье – Пётр Ослядюкович и князь Юрий превратились в смертельных врагов.

Когда Семён, с выкупленным из плена братом, с друзьями, сопровождавшими его в пути Серьгой и Микулой, проехав, на обратном пути, киевские земли, оказались в Чернигове, сам князь Михаил, хорошо знавший главного посла Суздали и благоволивший Семёну, остановил: «Всё, Семён, дальше тебе дороги нет». И вот полгода он прячется в черниговщине по лесным заимкам, а князь Михаил простодушно отвечает владимирским посланникам, что вор Сёмка с бездельниками Микулой и Серьгой в землях его не объявлялся, но при случае, они, конечно же, будут выданы родственнику.

Было больно узнать о заточении в подвалы старика отца, о смерти от постигшего горя матери, о разорении и ссылке брата Ивана, о горемыках сыновьях с женой Гашей, живу-

щих благодаря самоотверженной дружбе Сысоя и покровительству князя Ярослава в далёком Новгороде. Разом рухнули его мечты и надежды, разом отошло назад куда-то чувство к воеводской дочке Наталье, сделав ту любовь забавой, теперь не нужной в горе, из которого выбраться ни он, Семён, ни его родня уже своей волей не смогут.

Беды семьи сгубили и брата Мишку. После изнурительного плена, он таял на глазах от внутренних хворей, держался из последних сил, лишь бы увидеть родной дом, а тут, после таких вестей, в раз сгорел, загнулся.

Семён похоронил брата в лесу, не далеко от Оки. Микула и Серьга вырыли могилу, опустили тело, а Семён сидел спиной, опершись о ствол старой, могучей ели, смотрел перед собой. И жить не хотелось.

Но шли дни, недели, месяцы. От безделья и хорошей кормёжки, в теле рождалась нерастроченная сила. Просто так сидеть Семён уже не мог. Надо было как-то жить дальше.

Князь Михаил прячет его, но, когда ему будет выгодно, выдаст Юрию. И он разделит с отцом общую подстилку в сыром каземате. Да, нет, князь Юрий просто прикажет казнить. Или Пётр Ослядюкович надоумит. Пёс, всё он. Убить его! Только не вернуть уже ничего. Ни-че-го! Но делать что-то надо. Можно было убежать в Смоленск или на Волынь. Там князья сильные, заглядывать в рот Юрию не будут. А можно откровенно поговорить с Михаилом: кто Семён для него, служака, волею обстоятельств попавший в опалу, или

выгодный заложник в большой игре?

Послышался топот копыт. Лошадь неслась уверенно – всадник знал дорогу к заимке. Так и есть – Серьга.

Он осадил коня, спрыгнул, вбежал в избушку. Лошадь убежала под навес, где было припасённое сено.

– Вот хлещет. Прямо в дорогехватило, – смеясь и отдуваясь, сообщил Серьга.

– Где Микула?

– В Серенске остался.

– Почему? Князь в корме отказал?

– Служба, Семён. Князь в Чернигов зовёт! Хватит, говорит, насиделись! Теперь можем не прятаться.

– С чего бы, – ухмыльнулся Семён. Почему Михаил перестал лицемерить, и разрешает жить открыто?

Серьга стал снимать мокрые рубахи и портки, выжимал воду прямо на пол.

– Теперь Юрию не до тебя. У него другие заботы. А Михаил решил показать свой нрав – вот, видишь, твоего воеводу у себя укрыл!

– Мог бы и раньше так поступить, – сердито произнёс Семён, продолжая смотреть на редующий дождь.

– Семён, война ведь у них.

– Где? В Суздали?! – спокойствие и задумчивость разом слетели.

– Да. Ярослав с немцами сцепился! Теперь держись! А твоего папашку Юрий из подвала выпустил.

–Кто сказал? – Семён встал, подошёл вплотную к голому, подрагивающему от прохлады, Сергею. Неужели конец опале?

–Весь город про войну говорит. Сплетен хватает. Так что, собирайся, едем к Мстиславу. Он здесь, в Серенске. На всякий случай. Мало ли. Черниговцы наших побаиваются. Ярослав дважды их тут пугал. Ха-ха. А Наташку Пётр Ослядюкович замуж выдаёт за рязанца.

Семён резко отвернулся, подошёл к открытой двери, ударил кулаком в бревенчатую стену.

–Пётр Ослядюкович пёс! Он мою семью сгубил! Зарублю его!

–Пётр Ослядюкович в приданное Наташке усадьбу твоего отца даёт.

–Едем.

–Подожди. Дождь переждём. И переодеться дай – мокрый я.

Семён смотрел на шумящий дождём лес. Душа опять стихла. Война с немцами, отец выпущен. Надо разузнать всё подробно. Перво– наперво про Агафью с детьми.

–Серьга, поедешь в Переяславль?

–Зачем это? Меня удавят по дороге!

–А ты так, чтобы не попадаться. Узнаешь про моих, и Сыся сюда привезёшь.

–Сюда? Ты спятил.

–Нет, Серьга, я серьёзно. А Микула поедет в Рязань. Я сам

с Микулой поеду, – Семён – обернулся.

–Чтобы тебя рязанцы хватанули, и выдали Юрию?

–Не схватят. Рязанцам плевать, по большому счёту, на Суздаль. Они вперёд не лезут, а дома – себе хозяйева.

–Как знаешь, воевода, – нехотя согласился Серьга. – И что я скажу Сысою?

–Скажешь: Семён зовёт.

–Сысоя в Чернигове во, – Серьга провёл ладонью по своей шее. – Он же помогал Ярославу здешние деревни зорить.

–Ладно, под Москвой свидимся, там тихо... Или, под Лопасней.

–Нет, в Лопасне рязанцев, как собак. Они за этот городишко держатся мёртво.

–Ты почему со мной споришь? – удивился Семён. – Со всем забыл почтение к воеводе?

–Ладно уж, – улыбнулся Серьга. Семён за долгие годы сроднился и с Микулой, и с Серьгой. – Воевода! Здесь не владимирщина, да и воевода ты – бывший.

–Это ещё посмотрим, – скупно буркнул Семён...

В Серенске, князь Мстислав усадил за трапезный стол, налил медовухи, был оживлён.

–Дела, Семён. Теперь совсем по другому пойдёт. Будешь пока здесь... Серьга рассказал про твоих? Отца-то твоего Юрий выпустил, сжалился – отправил в Нижний Новгород посадником, на прежнее место. А брата из ссылки не вернул.

–Князь, дозволь в Рязань съездить?

–Что так? – Мстислав уже знал про любовь Семёна и дочери Петра Ослядюковича, но разыгрывал из себя неведающего.

–Семейные дела, – уклонился Семён от подробностей.

–Твоя семья в Новгороде. Жена и дети.

–Знаю. Хочу отправить в Переяславль Серьгу – под Москвой хочу повидать своего друга Сыся. Осмотреться мне надо.

Мстислав вытер рот рукой.

–Прощенья просить у Юрия хочешь? Посредника ищешь?

–Нет. Я теперь за Чернигов. Вы меня спасли, а там враги. Убью я Петра Ослядюковича!

–Ого! – деланно удивился Мстислав. – Ну, что ж, смотри. Князь Михаил тебя мне не отдавал, просто разрешил тебе не прятаться, и жить в Серенске. Ты, вроде, как сам по себе. Езжай в Рязань или в Москву, куда желаешь.

–Сначала в Рязань.

–А к Михаилу когда?

–Все дела сделаю, недельки через две.

–Смотри, Семён!

–Смотрю. Война-то у них большая, или так – стычки на границе?

–У них война, мил человек, – заулыбался Мстислав. Его радовало это обстоятельство. Он тут же объяснил свою весёлость. – Теперь суздальские князья связаны по рукам этой войной. Наш Михаил сможет решить дела на юге.

–Значит, здесь тоже быть войне?

–Не думаю. Даже, если за Владимира Киевского вступится Даниил с Волыни, у нас сил хватит их разогнать. Только бы суздальцы подольше провозились с немцами! Судьба Руси решается!

Семёну не понравилась самоуверенность Мстислава. Опять Михаил затевал общерусскую свару! Нет мира у князей – всё рвут, хапают, а народ слезами исходит, разоряется, жизни не видит.

В расстроенных чувствах, Семён покинул княжеский терем, нашёл избу, где обитал Микула. Хозяева – небогатые посадские смерды, хотя и потеснились, были рады ещё одному постояльцу – всё доход в семью. Убогое жильё, куча детей, копоть, грязь. Семён отвык от такой жизни. Потому, на следующее утро, в сопровождении Микулы, с лёгким сердцем, выехал в Рязань.

Он покачивался в седле и думал: что скажет Наталье? Зачем он едет туда? Зачем? Одно это слово тормозило, и призывало, натянув повод, завернуть обратно, но... Но.

Микула, глядя на терзания Семёна, бесцеремонно прикрикнул:

–Ну чего?! Ты или туда, или сюда!

Семён зло сверкнул глазами, но, стегнув коня плетью, помчался вперёд.

Ехали берегом реки, ночевали у воды, на костре варили в котле уху – Микула споро ловил рыбу, за едой говорил по-

Москву объезжал стороной, ехал медленно, лесными тропами. Досаждали гнус и сырая духота.

Когда переплывал Клязьму, чуть не потонул, но, слава богу, лошадь вынесла. Серьга долго отлёживался на берегу, сушил, нечаянно замоченную, скрученную в узел, одежду.

Ближе к Переяславлю, когда по широкой дороге тянулись телеги с мужиками, собиравшимися на войну, завернул в деревню. В крайнем дворе, за плату, пристроил коня на постой. В город поехал на телеге с ратниками. Мужики, кто хмурый, кто балагур, ехали на войну с желанием – война всегда пожива, если не убьют – дома прибыток. Кто корову добудет, кто овец, а кто и коня. Везли свои топоры, рогатины, палицы.

В город проехали спокойно, без досмотра. Серьга тут же, отшучиваясь, спрыгнул с телеги, ловко затерялся в людской толчее.

Переяславль бурлил – война с немцами! Князь Ярослав решил отомстить за русские обиды, и укрепить старые границы – чудь и латгалы издавна платили дань новгородцам, и под немцем им не бывать!

Серьга не знал, где отыскать Сысою, но Сысой – один из воевод Ярослава, легче всего отыскать его у детинца. Можно было ждать у стен кремля, но проще было спросить: в кремнике воевода Сысой или уехал куда?

Когда, наконец, Серьга решился заговорить с дружинниками у ворот, из кремля с шумом вынеслись всадники, во главе с князем Ярославом.

Серьга поспешил прочь, но князь заприметил его, крикнул своим:

–А ну, держи молодца!

Убегать не имело смысла. Серьга покорно остановился, обернувшись к князю, позволил себя схватить дружинникам.

Подъехавший Ярослав, придержав коня, язвительно ухмыльнулся:

–Беглец. Серьга, ты какого рожна, здесь болтаешься? Где Семён?

Серьга опустил глаза.

–В Чернигове Семён.

–Я так и думал, – не удивился Ярослав. – Вся шваль стремится под Мишкино крылышко. Что сбежали-то? Плохо у брата служилось? Ко мне бы шли!

–Мы не убегали. Нас Пётр Ослядюкович отпустил, выдал подписанные великим князем бумаги.

–Пётр Ослядюкович? Пёс. Он может пакость сотворить, – продолжал ухмыляться князь. – Значит, он Сёмку погубил за свою Наташку. Ладно, то дело не моё. Ты зачем в моих землях, без разрешения, околачиваешься? Высматриваешь? Тоже черниговцам служишь?

Серьга мотнул головой, глядя в сторону.

–Никому я не служу. Сыся ищу.

–Сыся? А-а, они с Сёмкой дружки верные... Да-а, – Ярослав оглянулся на своих дружинников. – Дайте ему лошадь.

Поедешь со мной. Потом поговорим.

Серьгу выпустили. Он ловко вскочил на поданного коня. Кorteж лихо помчал к площади, где теснились собравшиеся смерды. Тут же, отдельной кучкой, стояли купцы, воеводы, чернели воронами монастырские служки.

Князь осадил коня, сошёл на землю. К нему сразу подошёл епископ Геромен, перекрестил князя. Серьга крутил головой, выискивая взглядом Сысою, но его не было. Над княжеским креслом, установленным на помосте посреди площади, у стен собора, развивались хоругви.

Серьга не знал, плохо или хорошо, что попал на глаза Ярославу. Ярослав был до того импульсивен, что менял настроение неожиданно. Сейчас он принял его не как слушника, но в любую минуту мог передумать... Где же Сысой?

Ярослав, громко выкрикивая слова, призвал смердов и дружинников постоять за переяславские интересы, отомстить ливонским рыцарям за русские обиды. По словам князя выходило, что в поход на крестоносцев идут только полки из Переяславля и Новгорода, то есть, только из вотчин Ярослава. Юрий, как всегда, остался нейтрален к затеям младшего брата, придержал и других братьев. Может, он верил, что против немцев хватало сил одних переяславцев, а может, надеялся, что поражение ослабит воинственного Ярослава. Ярослав уже, однажды, бунтовал против старшего брата, так что, ослабев, будет более послушен. Серьга этого не знал, и знать не хотел. Ему, главное, было отыскать в этой

толчее Сысоя, и поскорее удрать отсюда, чтобы не отвежать княжеских подвалов.

Серьга приметил, что несколько дружинников не спускают с него глаз. Да, видно его ждал серьёзный разговор с Ярославом...

С площади, где смердов начали делить на отряды, князь Ярослав, с десятком дружинников, воеводой Дубиной – начальником охраны кремника, и Серьгой, вернулись в детинец. Ярослав велел идти в терем.

Шагая по узкому, тёмному коридору, сказал:

–Сысой завтра приедет. Его нет в городе. Зачем тебя послал Семён?

–Просит Сысою о встрече.

–Да? Интересно. Смотри, Серьга, если это черниговские козни, из шкуры твоей ремней нарежу! Где будут встречаться?

–Под Москвой.

–Видишь – война у нас. Сысой мне неотлучно нужен, не до разговоров ему. Пусть сюда Семён сам приезжает, тут и поговорят.

–Бойтся. Они с Петром Ослядюковичем враги.

–А с Юрием? – язвительно глянул Ярослав.

–Великий князь обманут Петром Ослядюковичем. Он не знает всей правды. Семён никуда не убежал. Мы поехали с разрешения...

–Пусть приедет, падёт в ноги, вымолит прощение у Юрия.

не только западная граница на уме, у него и восток, и юг.

Из Чернигова доносили, что Михаил затаился, тихо правит своими землями. Не к добру эта тишина. Мишка, как и Ярослав, не мирный человек. Мечтает быть князем всей Южной Руси. Ну, ну. Руки коротки. Не быть Руси единой – никогда. Вот такие объединители и рождают усобицы. Каждый не смотрел бы алчно на земли соседей, было бы куда лучше. Шаткое равновесие, за которое ратовал Юрий, единственное благо для всех. Давно большой войны не было между русскими князьями – это хорошо. Но Юрия беспокоили половцы – рубятся где-то у Волги с неведомыми татарами, и эта бойня не прекращается много лет. Особенно недавнее нашествие половцев на мордву показало слабость восточной границы его земель. А если половцев разобьют татары, и они вновь придут в мордовские леса? Тогда стычек, и даже войны, не избежать. Готово к этому Владимирское княжество? Надо укреплять Муромскую землю.

Пётр Ослядюкович ехал на свадьбу дочери – нашёл ведь Наташке воеводского сынка в Рязани. Хвастал перед Юрием, что приготовил молодым усадьбу во Владимире, а усадьба-то Спиридона, отца «сбежавшего» Сёмки, посольского воеводы... Долго томился старик в подвалах. Тогда-то и велел Юрий выпустить Спиридона.

Уже давно до ушей князя доходили слухи, что Пётр Ослядюкович подстроил «измену» Семёна. Но дело было сделано, да и не хотелось ссориться с преданным первым воеводой

из-за сопляка Сёмки. Теперь Спиридон сидит посадником в Нижнем Новгороде. Болеет. Что ж, хоть умрёт не как собака. А это много значит! Да, надо и Нижний укрепить, ведь, как поставили городок, с той поры ничего не делалось для усиления границы с булгарами. Им, конечно, не до распрей с Суздалью – тоже страдают от татар! Опять татары!

Юрий, выпустив Спиридона, смотрел тогда смущённо на слёзы валявшегося в ногах старика, просившего простить сыновей Сёмку и Мишку, и было совестно. А ещё более совестно, что всё это происходило на подворье злополучной Спиридоновой усадьбы. Пётр Ослядюкович хвастал – вот, мол, какой подарок молодым! Тут и велел Юрий привести Спиридона из подвала, а, как объявил ему о прощении и высылке посадником в Нижний, Спиридон, поедая Пётра Ослядюковича пустыми глазами, попросил дозволения забрать с собой своё добро – горшки с деньгами.

– Где же они у тебя? – улыбнулся Юрий, зная про зарытые клады, и про земляные работы Петра Ослядюковича в Спиридоновой усадьбе по их поиску.

– Дозволь? – просил Спиридон.

– Твоё. Забирай. Никто не отнимет.

Спиридон упал на колени перед резным крыльцом, подкопал, просунул руку. Пётр Ослядюкович позеленел. Юрий откровенно рассмеялся его алчности и неудаче!

Спиридон отрыл два горшка. Поддерживаемый дружинниками, он пошёл из города на пристань – плыть в Нижний.

В город Семён не пошёл, остался в лесу – город стоял, как на ладони. Микула, ворча, оставив лошадь, поплёлся в Рязань пешком.

–Шибко скоро не жди. Хорошо, если до ночи найду, – буркнул он напоследок, и запылил по дороге к открытым воротам.

Семён развёл костерок. Было и так жарко, поэтому он бросал тоненькие веточки, скармливая их жадному пламени, потом устал и, затоптав угли, решил вздремнуть в тени. Стреноженные кони паслись тут же. Не спалось... Так зачем он приехал? Ну, увидит Наталью, и что? Что дальше? Прижмёт к груди и отпустит – иди под венец? Сердце уже зарубцевалось от долгой разлуки. Ведь больнее будет, если сейчас встретится с ней, если заговорит... А, всё уже, назад дороги нет, будь, что будет. Ему хочется муки, ему надо её увидеть, а дальше – всё в божьей воле!

Микула, как обещал, пришёл вечером. Принёс в торбе лук, репку, кругляк хлеба. Усевшись рядом с лежавшем на тёплой земле Семёном, неторопливо стал чистить репку, резал её тонкими пластиками, молча жевал. Когда всю съел, принялся за хлеб с луком.

–Рассказывай. Нашёл её? – не выдержал Семён.

–Нашёл.

Ответ поразил Семёна. Сердце зашлось тревожным боем – он был не готов к этому.

Сразу поднявшись, он пристально взглянул на отрешён-

ную, жующую физиономию Микулы.

–И что?

–Придёт. Завтра придёт. Я её у ворот встречу.

Семён горько вздохнул, закрестился. Спаси, господи! Она придёт. Любит его!

Не сразу успокоившись, он снова развёл костёр. Микула спустился к реке, зачерпнул в котелок воды, подвесил над огнём, бросил пахучих сушёных листьев малины, какие таскал в мешочке. Из Рума Семён вывез много сухого чая, но его выпили, пока жили на заимках, а пить кипяток уже отвыкли. Микула и Семён кофе пить не любили, хотя дорогого порошка в княжеских трапезных было в избытке, но то на любителя, а квас круглый год и сбитень пить не будешь. Вот и заваривали листья вишни, малины, смородины.

Семён напряжённо вспоминал Наталью, и сердце падало в глупой истоме – любимая. Связался ведь с девчонкой, дурак. А дома жена... И тут же отогнал эту мысль – то другое, там семья, а здесь сердечный жар, омут, страсть, да и то в прошлом – Наталья выйдет замуж, по другому быть не могло. Душу затопила невыносимая боль.

Семён зло пнул огонь костра – горящие головни разлетелись. Микула заорал, обматерил.

Семён ушёл в лес, в темноту. Сидел под берёзой, ковырял палкой землю, шлепал комаров на шее. Что будет? Что? Зря он всё это затеял! Уехать? Нет. Он должен её увидеть. В последний раз...

Утром было холодно, жутко хотелось спать, но Микула растолкал, выпросил денег, и ушёл в город. Семён дальше спать не мог, спустился к реке, умылся. Не елось, не сиделось. Пока ждал, измучился.

Был полдень. И он понял, что она придёт в полдень – все же дрыхнут, после обеда. Сейчас хоть город вырежи – храпят, ироды!

И правда, из череды подвод, выезжавших из города, одна отделилась, свернула к реке, встала. Семён разглядел Микулу, ругающегося с возницей – вот, жлоб, обсчитал, верно, смерда. Точно! Микула пошёл, и с телеги слезла девушка. Семён чуть не побежал навстречу, еле сдержал себя – она!

Он смотрел, как она идёт, смотрел во все глаза.

Она разглядела его среди деревьев, бросилась бегом. И Семён побежал.

Поймал её, как пушинку, схватил, завертел. Наташа! Наташенька!

А Наталья рыдала, целуя.

Микула с ухмылкой смотрел на них.

Семён горячо заговорил о своей беззаветной любви к воеводской дочке, о тоске, о сердечной боли, о невозможности жить без неё. Не спуская её с рук, так и понёс её в лес.

Микула сплюнул – горбатого только могила исправит.

Злясь, он уселся на берегу, бросал в воду куски земли, скомканную траву. Любят люди друг друга. Страшно подумать, сколько вёрст отмахали, ради вот этих нежностей.

Жалко их, пёсских детей. Хоть и грех, а ведь любовь! Против неё не попрёшь! А ему, Микуле, нет счастья – один баламут, ни кола, ни двора. Мечтал ведь – женится. Вон, Парашка из кремника, девка какая, а! Умная, добрая. Слово скажет – душа задрожит. Поди уж, кто-то забрал. Так и проживёт один-одинёшенек.

Вечерело.

–Микула!

Расстроенный Микула вернулся к опушке. Наташка ныла без слёз, не отпускала Семёновой руки. Тот был бледнее смерти.

Мученики они, на горе себе слюбились.

–Микула, проводи Наталью до дома.

–Пойдём, – буркнул Микула.

–Любимый, – шепнула девушка, и впилась губами в последнем поцелуе.

Семён долго не отрывался от неё, наконец, отпустил, отвернулся.

Микула и Наталья побрели к городу потерянные.

Семён заорал издалека:

–Наташа-а! Я люб-лю те-бя-я-я!

Наталья разрыдалась.

Так и въехали в город – плачущая девушка и хмурый Микула. В этот раз Микула расплатился с возницей не торгуясь.

Вернувшись из города, он торопливо сварил похлёбку, поел – Семён есть отказался.

Берке присел к очагу, за ним сели Бату и Шибан.

–Я уломал Мунке, – прохрипел и засмеялся Берке.

–Он и так не был против похода на половцев и орусутов, – отозвался Бату, зная, что Берке сказал не всё.

–Хан и брат, Мунке убедил Тулуя в необходимости западного похода. Тулуй пошлёт монгольских воинов своего улуса!

–Вот это отличная новость! Ха-ха! Да! – Бату радостно сжал кулак, шутливо толкнул в плечо Шибана. – Учись у Берке! От тебя, до сих пор, нет толку с Каданом и Бори.

Шибан не посмел возразить.

Берке снисходительно улыбнулся.

–Теперь убедим Угедэя, и дело сделано.

–Это самое трудное – уговорить дядю Угедэя... – сбросил весёлость Бату, вспомнив неуступчивых сыновей Чагатая. Бори сам желает быть лашкаркаши, и вести в поход тумёны всех монгольских улусов. Сыновья Чагатая близки Угедэю, он всегда расположен к ним и милостив.

–Легко на словах, – согласился с Бату Шибан.

Берке, закатив глаза, пожал плечами, мол, я делаю всё, что могу, и верю в успех.

Откинув полог, в юрту вошёл суровый Орду. Оглядев братьев, их возбуждённые лица, он кивнул Бату, как хану, подождал, пока Берке и Шибан кивнут ему, прошёл к очагу, пыхтя, присёл, увидел у стены подушку, взял её, подоткнул себе под зад.

–Опять совет. Что-то случилось?

–Мунке и Тулуй согласны с западным походом, – пояснил Бату.

–А Угедэй?

–Есть мысль, – Берке впился взглядом в лицо Орды, не выдержал ответного, требовательного взгляда старшего брата, хмыкнул. – На дядю Угедэя можно «надавить» через Тараку. Он заглядывает в рот своей старшей жене по поводу и без него – все это знают.

–И что? – не понял Бату.

–Орду и ты, брат, пойдёте к Тараке, и склоните её к тому, что западный поход выгоднее Угедэю и их старшему сыну Гуюку, чем любые другие.

–Убедить Тараку! Подарков здесь будет мало, – произнёс Бату, немного разочарованный.

Берке помолчал, заулыбался, продолжил тихо:

–Дядя Угедэй отменный пьяница. Заветы Чингисхана о вреде пьянства великий хан позабыл, и уже опух от беспробудных возлияний. Тарака понимает, что наш дядя долго не протянет...

Братья не прерывали Берке, внимая словам, за которые «маленьких людей» могли послать на смерть. Берке доверял братьям, считал их верными клану джучидов, а самым коварным – себя. Им он мог сказать любое, самое запретное.

–И что? – не выдержал паузы Бату. Манера Берке выражаться не до конца, иногда его злила. Берке ставил его – улу-

сного хана, в положение глупца, выспрашивающего истину. Брата спасала от гнева Бату невидимая грань, которую он никогда не переступал – он позволял себе подобные выходы только наедине или, когда братья были в тесном кругу, без свидетелей, как сейчас.

– Это значит, через какое-то время у Великого Монгольского ханства появится новый хан. Гуюк – наследник. Тараке было бы очень выгодно, чтобы в грандиозном походе, Гуюк проявил себя во всём блеске. А только западный поход может быть грандиозным и успешным – половцев мы разобьём, болгар, а орусуты слабы и разобщены. Когда Гуюк вернётся в Каракорум из такого успешного похода, никто не усомнится в его праве быть ханом.

– Не понимаю. Что ты предлагаешь?

– Гуюк будет в походе равным лашкаркаши, – сказал Берке.

Глаза Бату потемнели – ах, собака, неужели Берке переметнулся на сторону пса Гуюка?! Подкуплен? Но чем его можно соблазнить? Он правитель, почти равный Бату, в улусе Джучи. Что ни делает, Бату соглашается – пусть так. Неужто, мало ему роли верного помощника? Неужели, задумал чёрное дело – известить его, Бату?! Тогда, брату смерть за такое вероломство!

– Этот поход возглавлю я! – Бату не выдержал, вскочил на ноги, стукнул себя кулаком в грудь. Приступ ярости обуял его. – Дед велел нашему отцу покорить западные земли. Дед

меня поставил ханом в улусе. Потому, только я имею право быть лашкаркаши! Я поведу монголов в западный поход! Я!

Братья никак не отреагировали, остались спокойны. Ты, так ты.

Берке ядовито усмехнулся:

–А кто ещё? Всё правильно. Ты будешь лашкаркаши. Никто не смеет претендовать на эту роль. А Гуюк – чуть-чуть ниже... На это чуть-чуть купятся и Тарака, и сам Гуюк... А в походе мы найдём способ заставить Гуюка повиноваться лашкаркаши.

Бату подумал, подумал, и расслабился. Хитёр, лисица. В словах Берке был резон. Тарака ухватит приманку, словно голодная рыба. А во время войны, пусть Гуюк попробует не подчиниться! Гуюк чингизид, «белая кость», Бату не сможет его наказать, в случае послушания, но вправе будет отправить назад, к Угедэю. Пока суд да дело, поход будет продолжаться, да и сам великий хан Угедэй уже не посмеет относиться к Бату пренебрежительно, держащему в руках все силы ханства.

Бату посмотрел на Орду. Тот невозмутимо смотрел перед собой.

–Что скажешь, старший брат?

–Доверься ему, Бату. Берке лучше всех нас умеет извлекать выгоды из слабостей людей. Поговорим с Таракой, может, что и получится. Берке, ты пойдёшь с нами?

–Нет. Вы двое – старшие. Пусть другие думают, что я не

В Серенск приехал посланник от Сыся.

Семён с Микулой сидели в избе, за дощатым столом, медленно жевали перловую кашу с бараниной из долблённой деревянной миски, запивали квасом.

–Кто таков?

–Митрофан. Дружинник воеводы Сыся.

Микула отрыгнул.

–Как же проник к нам? Переяславцев здесь не жалуют.

–Смог.

–А как нам узнать, что ты от Сыся? Почему Серьга не вернулся?

Семён хмуро оглядел сытого, ладного дружинника, дёрнул головой:

–Говори.

–Ваш Серьга в подвале заперт. Князь Ярослав его изловил. Но воевода Сысой его видел, говорил с ним. Сысой сейчас в Москве – переяславскому войску требуется много хлеба, князь Юрий выделил вспоможение. Сысой ждёт в условленном месте. Поторопись, воевода, Сысой скоро уезжает обратно – князь Ярослав долго ждать не будет – войско, на голодный желудок, немца не одолеет!

–Складно говорит, – усмехнулся Микула, испытывающее глядя на дружинника.

Семён буркнул:

–Письмо какое Сысой передал?

Посланник растерянно заморгал.

–Нет. Всё на словах.

–И что? – спросил у Семёна Микула.

Семён отложил ложку, тяжело вздохнул. Серьгу Ярослав сцапал. Стоило ехать на встречу под Москву, или нет? Недруги– аспиды могут именем Сыся укрываться, что его заманить в ловушку.

–Может, я съезжу? – спросил Микула.

–Нет, мне самому повидать Сыся надо. Он ведь моих оберегает. Надо самому. Что он тебе расскажет? Моя же семья!

–А вдруг засада?

–Не знаю. С другой стороны: зачем им меня облавливать? Отца-то Юрий отпустил, даже посадником в Нижний поставил... Съездим.

Микула покрутил в руке ложку, склонил голову на бок, долго смотрел на неё, потом быстро облизал.

–Да, гадать нечего.

Поглядев на гонца, спросил хищно ощерившись:

–В ловушку заманиваешь, гад?!

Митрофан боязливо закрестился. Микуле это понравилось. Он улыбнулся.

–Отчего не съездить? Сидеть без дела скучно.

Не откладывая в долгий ящик, тут же заседлали лошадей, прихватили сухарей и вяленой рыбы, и выехали в Московскую землю...

– Да не приедет Семён. Что он, глупец, голову в пекло со-
вать? – возмущённо говорил Петру Ослядюковичу москов-
ский воевода Фёдор Нянка.

Пётр Ослядюкович, застигнутый гонцом князя Ярослава
в Муроме, всё бросил (отправил обоз с подарками к свадьбе
дочери с приказными), сам молнией, не щадя лошадей, по-
мчался в Москву и расставил западню.

Нянке, с самого начала, затея ловить прощённого князем
Сёмку, не понравилась, но Пётр Ослядюкович наорал: «Я те-
бя утвердил здесь, я и убрать могу!».

Пётр Ослядюкович заманивал Семёна ложной встречей
с Сысоем. Все его мысли были об одном – удавить гадёны-
ша. Но и свидетели были не нужны. Особенно не нравилась
независимость Нянки. Пообвыкся на Москве, забыл, кому
обязан положением! Потому, Пётр Ослядюкович думал пока
бросить Семёна в сырой погреб, а там уже, если сам от пло-
хой кормёжки и сырости не подохнет, извести «невзначай»
чужими руками.

Конечно, можно было бы и простить, да жгло мщением
недавнее торжество Спиридона – ведь вылез, дьявол, из под-
валов, и из под самого носа серебро унёс. Ведь всю усадьбу
взрыли, а под крыльцо не догадались заглянуть! Пётр Осля-
дюкович вспомнил, как блеснули торжеством глаза Спири-
дона. Ничего, попадётся Сёмка, торжествовать будет он!

Не ожидал Пётр Ослядюкович, что князь Ярослав, всегда
предвзятый к нему, поднесёт такой подарок – бери Сёмку

голыми руками! А всё потому, что мстит князю Михаилу. Раз Семён у Михаила, он теперь Ярославу враг. Это хорошо – чем больше врагов у Сёмки, тем меньше шансов выжить.

Пётр Ослядюкович тщательно обдумывал, как одурачить Сёмку, чтобы заманить в ловушку наверняка, но ничего, кроме мнимого приезда Сыся в Москву, не придумал – Сысой-то уже давно был в новгородских пределах, с немцами ратился, а может и убит (прости, господи, за такие мысли!).

Нянка, послушно расставив засады вокруг лесной заимки, всё ныл и ныл: «Зря, зря. Не приедет». Всю душу вымотал.

Они сидели в избешке. Было сыро и пахло прелью. Пётр Ослядюкович, от нечего делать, перебирал на столе янтарные бусы, молчал. Нянка маялся, тяжело вздыхал, чесал затылок или бороду.

К избе подъехали верхоконные.

Пётр Ослядюкович напрягся. Внутри всё сжалось. Неужели они? Он непроизвольно потрогал меч, опять опустил руку на стол, забарабанил пальцами. Нянка кашлянул от волнения.

Дверь скрипнула.

Нагибаясь, вошли Семён, Микула и Митрофан.

Тут же следом ввалились прятавшиеся в округе дружинники, повалили всех троих на пол, заламывая руки.

Пётр Ослядюкович с Нянкой переглянулись – гладко получилось.

–Ну, здравствуй, воровская рожа! – прогремел торже-

ственно Пётр Ослядюкович.

–Твоя взяла, воевода, – прохрипел Семён. – Поймал.

–Моя взяла, – согласился повеселевший Пётр Ослядюкович. – Отпустите их. Уже не сбегут.

Дружинники отошли к двери. Семён и Микула, медленно поднялись, отряхиваясь. Встал на ноги и невинно пострадавший Митрофан.

–Чудики, Митрофана-то за что заломили? – ухмыльнулся Пётр Ослядюкович. – Так что, Сёма, долго ты прятался, а вот я всё равно тебя повязал. И всегда будет по-моему!

Он встал из-за стола, подошёл к Семёну, пристально посмотрел в глаза – в зрачках Сёмки горела ненависть (бесильная ненависть!). Зачем-то решил заглянуть и в бесстыжие глаза дурака Микулы, но тот, вдруг, что есть силы, долбанул, и Пётр Ослядюкович, ослепнув от боли и огня, отлетел под стол.

Закричали, загремело всё, кто-то падал, падал, орали, скрипнула дверь и, дерущаяся куча, вывалилась на улицу. Пётр Ослядюкович, прозрев, сморкнувшись кровью, кинулся из избы, но кончено – уже кричали и дрались в густом ельнике. Больше всех шумел Нянка.

–Собак! Где собаки?! – заорал в бешенстве Пётр Ослядюкович.

Но никого не было – поляна опустела, а возбуждённые крики и треск сучьев удалялись вглубь леса.

Первым вернулся Фёдор Нянка, долго сплевывал кровь в

прелую, рыжую хвою, устилавшую всё вокруг, потом мыл лицо в бочке у дверей избушки, хмыкал, посмеиваясь.

Возвращались по одному хмурые дружинники.

«Упустили! Так и есть!», – глядел в их лица Пётр Ослядюкович, но всё же не терял надежды.

Последним пришёл Митрофан, развёл руки в стороны, словно его это оправдывало.

– Убёгли!

– Растяпы! – взвизгнул Пётр Ослядюкович и, что есть силы, вlepил кулаком Митрофану в лицо. Тот осел на колени, а Пётр Ослядюкович, взбесясь, лупил его, не глядя, пока не сбил кулаки в кровь и, морщась от боли, пошёл к кадлушке с водой. Опустив подрагивающие руки в прохладную воду, сказал с досадой:

– Оружие на что вам?! Зарубить не могли! Сёмку зарубить надо было!

Пётр Ослядюкович посмотрел на фыркающего кровью, отплевывающегося, Митрофана.

– Вы что, мужики лапотные? Мечи вам на что?! Всё кулаками, кулаками... А-а, и кулаками ничего не можете...

Фёдор Нянка, трогая разбитую, вспухшую губу, заметил:

– Не знаю, зачем всё это, если честные они перед князем. А за убийство Юрий никого не помилует. Ты, воевода, что-то не то творишь...

– Что ты понимаешь в моих делах?! – рыкнул Пётр Ослядюкович и, злой от неудачи, пошёл в избу...

Без приключений добрались до Серенска. Князь Мстислав, увидев расцветшего синяками Семёна, радостно посмеялся:

– За этим ездил?

Семён смиренно согласился, пряча усмешку:

– Перебрал малость.

– Скоро к князю?

– А что, уже ждут?

– Нет, – Мстислав задумался. – У нас новости. В Чернигов прибыли послы от татар. Они и торгуют, и посольские дела делают. Говорят, у Даниила были, в Киеве были, в Смоленске. Теперь у Михаила сидят.

Семён почувствовал, как сжалось сердце – это те «купцы», которых отправил нойон Аян в Болгарию. За Русь взялись. К чему? Неужели, правда, в войну втягивают?

Семён с грустью вспомнил умершего брата Мишку. Из-за его пленения занесло Семёна на край света – в Трапезунд. Там и познакомился с послом монголов нойоном Аяном. Тот вызвался помочь спасти брата, взял с собой в Рум. Монголы плели интриги против половцев, желали подбить султана сельджуков Кей-Кубада на новый поход в Крым. Аян помог выкупить Мишку из турецкого плена, а после неудачи посольства, организовал новую интригу – монголы отправили «торговый» караван в Болгарию, чтобы купцы, всё выведывая, миновав Венгрию, достигли русских земель, и там попытались разжечь войну с половцами. Семён расстался с мон-

голами в Болгарии. Вот теперь они сюда добрались, до Чернигова. Неутомимы в своём алчном желании поработить чужие земли, посеять раздоры, себе на пользу...

–В Чернигов поеду, – сказал Семён.

Мстислав не удивился, знал, как близки посольские дела Семёну.

–Езжай. Когда?

–А что?

–На княжеский двор голубя отправим, чтобы тебя ждали. В посольских делах ты силён.

–Денёк отлежусь, и поеду. Что они хотят?

–Не знаю. Гонец из Чернигова передал одно – у Михаила татарские послы.

–На половцев будут звать. У них грызня с половцами который год, – сказал Семён.

–Бесполезно. Чернигов с половцами дружит. Хан Котян наш союзник, а вся мелочевка половецкая, ему в рот заглядывает. Тут они ничего не добьются.

–Как знать, –Семён чувствовал, что хитрым послам чего-то добиться удастся – посмотрелся он на них в Руме и Трапезунде: всё знают, всё примечают, ловко ткнут липкую паутину ловушек даже для самых искушенных правителей.

–Михаилу какой резон слушать татар? Где они и где мы, и где половцы? Они у чёрта на куличках, а мы с половцами вот, – Мстислав потёр палец о палец. – Испокон веку трёмся друг о друга.

–Я просто хорошо знаю...

–Что знаешь?

–Знаю, на что они способны.

Микула от известия о выезде в Чернигов, пришёл в ярость, стал бешено орать и махать руками, заявляя, что он, пока не отлежится, не залечит морду, не отъестся, с места не сдвинется.

Семён переждал бурю, после чего велел купить лошадей – деньги ещё оставались.

Следующим утром выехали. Микула рысил, мотаясь в седле бренчащим мешком, изредка ныл: нет ему в жизни счастья, и всему виной Семён.

–То Петра Ослядюковича винил, теперь, оказывается, я виноват!

–Ясное дело! Уйду я от тебя. Толку нет в такой службе. Ни жрать, ни спать. Денег обещал дать, когда братана твоего довезём. Где?

–Не довели же, – мрачно отозвался Семён.

–Это мне всё равно. Дружинники хоть корм получают, деньги на нужды. А я?

–Я тебе в Рязани давал.

–Ха. Что ты давал?

–Микула, на те деньги месяц жить можно, как сыр в масле, – возмутился Семён.

–А ты бы мне в рот не заглядывал, а ещё выдал, и делу конец!

–В город приедем – выдам!

–Выдашь ты, – остывая, буркнул Микула. – Обещаешь только. Уйду я от тебя.

–Ну и иди! – не выдержал Семён, повернулся к Микуле, уже улыбающемуся. – Иди к черту!

–А ты один будешь? – ухмыльнулся тот. – Ты же вляпался в кашу. Тебе присмотр нужен, как детю! Отчего маюсь с тобой? Сердце у меня доброе!

В Брянске задержались на сутки – Микула получил деньги, и напился в стельку. Семён, проклиная его и своё терпение, был вынужден валяться на пыльных полатях гостиного двора. Утром Микула покорно выслушал оскорбления, лившиеся из Семёна бурным потоком, потом всю дорогу рассказывал смешные истории, которые стряслись с ним по пьяному делу (половину выдумал, конечно). Но согласие длилось не долго – в Новгород-Северский въехали рассорившиеся и молчаливые.

Оставив лошадей на Микулу, Семён пошёл на двор к князю Олегу, с которым уже не раз имел дело, и мог быть принятым радушно. Так и оказалось. Олег позвал к трапезе. Про татарских послов ничего не знал – Михаил с ними «секретничал» лично, не сзывая удельных князей на совет.

–Оно и понятно. С татарами какие у нас могут быть дела? Ты вот скажи, что князь Ярослав затеял? Суздальцы с немцами как бьются?

–Ничего не знаю. Своего человека посылал в Переяс-

лавль, его схватили. Я ведь там вне закона, – вздохнул Семён.

–Ночевать останешься?

–Нет. Надо к великому князю. Ещё прогневаётся. Да и на службу пора определиться. Устал без дела томиться.

–Это правильно. Служба – она от бога. Раз так судьба указала, от неё не уйдёшь. Если в Чернигове места не дадут, пойдём ко мне – в Курск. Я здесь, в Новгороде, за Изяслава сижу. Он сейчас при Михаиле. А ты повоеводил изрядно, Переяславль Южный держал. Мне бы спокойнее было, если бы ты за курскую землю стараться стал.

–Спасибо, князь, – Семёну было лестно, что он успел заслужить уважение князей. Только он не знал, чего желал – тёплого места, чтобы жирком обрастать, или такой же хлопотливой судьбы, какая была при службе Юрию. Если осядет, то попытается вывезти семью. Но как?

Путь от Новгорода– Северского до Чернигова Семён проделал в тягостных переживаниях. Был ли смысл в его теперешнем житье-бытье? Где выход? Любовь к Наталье должна стать прошлым – она выйдет замуж. Вернуться в семью он не в силах, нет ему дороги на север. Ничего нет.

Первым делом, Семён показался князю Михаилу.

Тот выглядел бодрым, уверенным в своих силах. Воеводы храбрились, докладывали о собранных запасах, о выделке мечей, щитов и копий. Всё это напоминало предвоенную суету. Семёну сразу не понравилось происходящее, но он низко склонился перед князем, не выдав своей настороженно-

сти.

–Здравствуй. Пришёл? Хорошо. Без службы не оставлю. Дам сотню воинов. Пока. Так-то. Фёдор, определи сотника, чтобы ни в чём не было недостатка.

Семён снова поклонился, и вышел из светлицы, ошарашенный и униженный – он сотник! Всего-навсего сотник! А размечтался! Эх, судьба! Теперь всё с начала, с самого-самого. Думал, будет, как прежде, среди князей. Теперь-то кто его заметит?

Остаток дня Семён пролежал в комнате, отведённой ему Фёдором под жильё, смотрел в потолок, молчаливо поел за общим столом в трапезной. Микула выглядел подавленным не меньше Семёна, и всё время молчал.

Дни летели за днями. Семён понемногу свыкся с новым положением. Микула был рядом, не давал окончательно пасть духом.

Князь Михаил лишь однажды снизошёл до него: «Как служба? Не жалуешься? Поговорим потом».

«Что даст, это потом?», – усмехнулся про себя Семён.

Службы, как таковой, не было – утром воевода выстраивал дружину, и распределял, кого куда – тех в конвои, тех в караул, тех в сопровождение. Скучно, лениво. Ешь, пьёшь, ходишь, спишь. Иногда упражнялись на мечах, чтобы не забыть главного – умения сражаться, стреляли в мишени из луков. Обычная гарнизонщина. Такая служба отупляет. Прежние скитания, княжеское окружение, переживания и борьба,

вспоминались теперь счастливой порой.

Но, за повседневной размеренной волокитой, Семён не мог не заметить главного – Михаил готовился к войне, готовился деятельно. И это началось с татарским посольством. Послы уехали, не добившись посулами неприязни Михаила к половецким соседям, поехали дальше – в Суздальское княжество. Семён в своих думах задавался вопросом: может, они добились другого? От такой мысли становилось не по себе. Предчувствие войны пропитало всё его существо. Даже ночами, в его снах, кипели битвы, и лилась кровь – он рубил наотмашь, рубил, и просыпался усталый, мокрый от пота.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.